

Печать.

Нам известны из беллетристики «лондонских трубочек». Но по сравнению с трубочками Глазго, где ютятся сотни тысяч рабочих и их семейств, эти лондонские трубочки — сущая идилия. В Глазго за квартирантскими накопленными тысячами фунтов подомок квартир платят. Власть пробовали неоднократно ярбить к выселению подомщиков, но тщетно. Как только полиция отвернется, изгнанные жильцы, возражающиеся в свои темные, узкие, безвоздушные подвалы. Тут социальное зло восточнее больше гадкое и трагическое, чьмь наша бывшая «Власть тьмы». Зажиточные слои населения, и в особенности женщины, не покладая рук работают для облегчения тяжелой участи рабочего класса. Открываются «клубы» для молодых прикладных, школы для детей рабочих, больницы и пр. Больницы, как и повсюду в Великобритании, содержатся исключительно на добровольная пожертвования, и приток денежных средств никогда не оскудевает. Надо ли открывать новую палату в госпиталь, или построить новый «клуб», или оборудовать школу — составляется дамский комитет, рассматривая воззвания — смотришь, в два-три недели чаквы приходят на тысячу до десятков фунтов.

В обиход, рядового обывателя, в особенности людей среднего достатка, после войны проходило так много перемены, настолько стерлись прежние острия грани между классами, что общественный строй вполне, думается миф, готов воспринять дальнейшие шаги к более ровному распределению между гражданами общественного бремени в самом широком смысле слова.

Помышляя состояние здешней, в особенности в Англии — до Шотландии поля еще не докатились — нечезасты, но постепенно и безболезненно. Так велики земельные налоги на крупную помещика, так невротично дорого содержание усадьбы, плата рабочим и прислуге и т. д., что быстро идет процесс превращения крупных помещичьих усадеб в «однодворчество», если можно так выразиться. В эти годы ряд английских графств, и в особенности в обширном графстве Норфолк, сотни десятин земли отведены под «гольф» или под фазанники, на которых охотятся знатные лорды и «шуриники». Вся эта земля пропадает для земледелия — и на эту тему неустанно проповедуют в этих графствах социалисты.

Смьба правительства во Франции и предположение выборы в Германии служат, разумеется, временными торжествами для британской индустрии в международной политике, иначе говоря, в стремлении твердого британского кабинета ввести Германию в Лигу Наций и установить прочный, нормальный modus vivendi между Германией и Францией как предпосылку дальнейших усилий в устроении все еще действительных препятствий к политическому миру и экономическому восстановлению. Совпала с психическими занятиями, эта переписка дает возможность правительству подготовиться к возобновлению сессии, в которой на первом плане будут, конечно, стоять бюджетные прецеденты.

Constans.

А вьд Дзербайский не на путку задозривь в контрреволюции изъ-за его выступления против кооперации. За Хитчумом, о котором мы вчера говорили, осыпали и другие и в «Экономич. Жизнь» идет пальба.

А поре прекратить путаницу, восклицает г. Святлов в номере от 12-го апреля... Начинается создаваться вокруг рьчи товарища Дзербайского стуженная атмосфера.

Статья Дзербайского полита была не только в том смысле, что кооперация не должна стоять сь вьчно протинутой рукой к государственному кошельку, но еще и в том, что вообще деревню надо предоставить частному капиталу. Выступая на защиту Дзербайского, Святлов не отрицает правильности такого понимания, а доказывает, что оно ничьмь операции не угрожает. Он ставит вопрос

готова ли и может ли кооперация довести товары до самых низов потребления? На это, разумеется, последовал ясный ответ — ньтъ, не может.

Но так как кооперация вообще не в состоянии удовлетворить торгового оборота, то пусть она расширяется в другую сторону, если вообще жизнеспособна.

Самой собой разумеется, что такой совет меньше всего удовлетворяет кооперацию, и потому очевидно стуженная атмосфера по расцвете от этих словесных упражнений.

*

В «Красной Газет» небезызвестный Лариса Рейснерь сообщает новый весьма своеобразный «курьез». Дело происходит

не гдъ нибудь, а в казармъ Н-ского полка, одной изь самых ответственных частей войск специального назначения, гдъ люди подобраны и проверены также тщательно, как винтовки и гайки их боевых машин.

На эту часть, возлагаются все надежды советской власти, все будет зависеть, в случае каких-нибудь осложнений, от ее боеспособности и внутренней крепости.

Исключение Радека из Коминтерна.

В дошедших до Берлина советских газетах имеется полный текст резолюции центр комит. комисии РКП по дьбу Радека и вьскольких германских коммунистов. Резолюция эти содержит весьма суровое суждение Радека и его друзей, обвиняемых в самом страшном коммунистическом грьхъ — в образовании фракции.

Все дело возникло по инициативе «КК коммунистической партии Германии, который возбудил перед ЦК РКП вопрос о привлечении кь партийной ответственности членов РКП(б) т.т. Брандлера, Тальгеймера, Радека, Эдль Ваумъ, Фелкс Вольфа, Вальхера и Меллера. ЦК германской компартии обвинил этих товари-

щей в том, что при их участии и под их руководством в германской компартии ведется систематическая планомерная фракционная работа, направленная против ЦК германской компартии.

Рассмотрев дьло партийный трибуналь нашел обвинения соответствующими действительности. Оказывается, Тальгеймер написал статью, которая содержала фракционную агитацию и критику рьшений V конгресса Коминтерна и отстаивает отвергнутое конгрессомъ позицію Брандлера — Радека (особенно в вопросе обь отъехъ германского Октябрия). Тов. Тальгеймер характеризует резолюцию конгресса о борьбь противь оппортунистических течений внутри Комин-

терны, как проявление «страха и призраками», и заявляет, что коминтерн «прошел мимо вопроса» о дальнейшей перспективе и не далъ на тот дьльный вопрос опредьленного ответа. Кроме того, статья тов. Тальгеймера содержит ряд рьзких выпадов против германского ЦК и Коминтерна и против русской старой большевистской гвардии (выпад против покойного революционеро в духъ «Урокъвъ Бря тов. Троцкого»).

Конечно, ни одно коммунистическое издание не осмьлялось затеять в чьских замыслах Тальгеймера и тот, кто купил сь тов. Радекомъ, впоследствии революционеро прошлое и начал пропастранять свои произведения в галляно.

Этимъ преступление не ограничилось. Вь частности, члены группы Брандлера — Радека — Тальгеймера подтвердили на квартирахъ Брандлера и Радека устроено два собрания или съездования по вопросам германской партийной работы (хотя они и отрицали партийный характер этих съездований).

Итакъ за нелегальной литературой съездования не легальных собрания. Приглашенные на партийный судья и стоварищи не только не рассказали, но позволили сь выступить сь рядомъ допустимыхъ заявлений по адресу германского ЦК.

Винювныхъ ждала заслуженная Резолюция центр. ком. РКП гласит:

1. Выразить строгое порицание и объявить предупреждение т.т. Брандлера, Тальгеймера, Радеку, Эдль Ваумъ, Фелксу Вольфу и Гейнцу Меллеру за их стематическую фракционную работу, тяжкое нарушение партийной дисциплины.

2. Запретить т.т. Брандлеру, Тальмеру, Радеку Эдль Ваумъ, Фелксу Вольфу и Гейнцу Меллеру вьмьшателство какой бы то ни было формъ вь германской компартии.

3. ЦКК предупреждаеть товарищей дальнейшее продолжение ими фракционной работы или вьмьшателства вь дьла манской компартии неминуемо поставит их вь РКП.

4. Считать недопустимымъ участие Брандлера, Тальгеймера и Радека вь интересной работь.

Смутьяны не рассказали и после резолюции и написали новое заявление, которое пошло уже вь исполкомъ коминтерна. Заявление стужное и туманное изъторого обьихованный смертный визит учителя погочернуть не можеть, коминтерн обидьлся невбравто.

Поведение ихъ признано «неисчислимымъ», «антикоммунистическимъ».

«Исполкомъ Коминтерна» «видитъ вь этомъ политическомъ искривленомъ заявлении Брандлера, Радека и Тальгеймеромъ что новое, какъ шитый бьльми шитое замьстовавание изь арсенала социал-демократическихъ вождей тактической мекрты, несправедливый противь линии V конгресса, и потому отказывается признать сь дьльную это заявление».

Итакъ вь первомъ турь Зиповьевъ лопнул Радека. Посмотримъ, что будеть дальше.

Неизбьжние сбудется.

Очень хорошо и очень красочно пишут турецкие историки.

Они говорят:

— До высокого стремени надшахи дошла вьст о новыхъ козняхъ турокъ...

Я хьтъ и не турокъ, но тоже готовъ подняться до такого превьспреняго стьла, когда рьчь идетъ о глашань енухъ иньичинской советской печати, г-нъ Сосновскомъ.

— До высокого стремени этого властителя советскихъ думъ дошла вьст, что вьздъ покорный слуга еще мечтает о томъ времени, когда, «они побьдутъ сюда, а мы побьдемъ туда».

И вотъ вь «Красной Газетъ» разделен грозный окрикъ:

— Не бьвать этому!

Очень не хочется г-ну Сосновскому, чтобы мы «хали «туда» и еще больше не хочется ему, чтобы они «хали сюда».

До такой степени не хочется, что о мой глупости, бездарности и пошлости г. Сосновский написалъ двойной фельетонъ, строкъ этакъ вь 500.

И не имью вкуса кь личной полемикь и потому вопрос о моей бездарности обьиду полнымъ молчаньемъ, хотя я и надежу, что иснать 500 строкъ о бездарности — это много. Я бы не писалъ: сюжет не стоитъ лириго брмания.

Но зьто говорить о будущей перемьбь мьст, о «туда» и «сюда», я не прочь. И даже очень. Г-нъ Сосновский не вьрнеть, что онъ побьдетъ «сюда». Онъ думаетъ, что «его же царствю не будетъ конца», что онъ и его шайка будутъ кровюишествовать и грабить Россию пока стоитъ миръ.

— «Вы хотите, — говорить этот самонадьянный товарищ, — чтобы мы, большевики перебрались «туда», вь эмиграцию? Благодарю покорно: мы уже тамъ бы ли. И подальше вашего сидьли. Посидите теперь вы сь нами, а потомъ посмотримъ, что сь вами дьлать»...

Признаюсь, я ожидаю большего отъ «высокого стремени» советского надшаха.

— Дело не вь томъ, мой ангелъ, что вы суже тутъ быль: если былъ, то и еще будетъ. Дело и вь томъ, что мы этого хотимъ, а вы не хотите. Кажно, что этого хочетъ исторя и что некуда уйти вамъ отъ ея приговора. Помните, какъ сильны были якобинцы, вали предшественники и учителя. Все лежало передь ними вь крови и вь прахъ. Все пресмыкалось, все рабьствовало. А потомъ «что-то такое» случилось, ослабь какой-то винтикъ, и вотъ на революционное кладбище привезен короткий гробъ и вь гробу укороченное тьло Робьсьера сь головой лешайе между ногъ.

Открыли кладбищенские сторожа крышку, взглянули на безкровное, бьдное лицо сь разбитой челюстью и сказали могильщикамъ:

— Закапывайте, ребята, поглубже; очень воняетъ.

И это было все, что сказали надъ гробомъ величайшаго революционеро и самодержавнаго якобинца.

— Почему же, товарищ Сосновский, вы думаете, что сь русскими якобинцами ничьго подобнаго не случится? Исторя какъ будто, не даетъ вамъ надежды на другой конецъ. И, право, на вашемъ мьсть я бы очень и очень вспоминалъ эть робьсьерово предупреждение.

— Маленький гробъ и укороченное тьло и между ногъ бьдная, безкровная голова...

Но посмотримъ, однако, почему же тов. Сосновский не вьрнеть вь возможность перемьбь мьст и вь наше пугающее «туда» вь Россию?

Онъ говоритъ (и вь этомъ я сь нимъ совершенно согласенъ), что нынешняя эмиграция мало работаетъ, что мало среди нея самоотверженныхъ людей, готовыхъ на жертвенный подвигъ.

Увы! Это вьрно. Мы очень мало дьлаемъ для борьбы сь той международной шайкой, которая засьла вь Москву.

На нашемъ мьсть японцы, итальянцы или сербы сьдлали бы вь тысячу разъ больше.

Это нашъ национальный срамъ, это вьчный укоръ нашей совети. И пусть слово Сосновского будетъ намъ вь порицание и укоризну.

Но напрасно все таки утньмаетъ самого себя этотъ товарищ, думая, что эмиграция вообще ни черта не стоитъ — ни гроша.

Это большая ошибка. Очень стоить! Самымъ фактомъ нашего существования мы написывъ намъ, милостивые государи, огромный, неисчислимый вредъ.

Мы, какъ Ивковъ журавли, разлетьлись по всему миру и вьсуду кричимъ, что Россию убьли баланды и что мы видьли убьить своими глазами.

Ньтъ уголка на земномъ шарь, гдъ не было русскихъ эмигрантовъ и какъ изь нихъ не селеть сь собой гвоздь для этого гроба.

Спросите у Красина и онъ вамъ скажетъ, что эмигранты «сидятъ у него печенкахъ».

Притомъ же, если мы такъ ничтожно по почему вы затрачиваете столько имовьрныхъ усилий и столько денегъ, чтобы переманить отъ насъ всю ту шайку, которая случайно затесалась вь эти ряды.

Вонъ вы Алешку Толстого отъ насъ рьманяли. Кажется, не велико сокровище. Вь эмиграции его и не называли, какъ «Алешка-балда».

На мохъ глазахъ это происходитъ Борнсъ Пильяевъ Алешку при мьфъ свивалъ. Онъ льститъ ему, и льбезитъ пыль продуть переть нимъ, и пынеть валь сь нимъ, и золотыя горы обьмать лавровые вьлки сулитъ. На спинь Пильяка, какъ на ослина, Алешка-балда и Москву кь намъ прьбьхаль.

А Савинкова, а Савинкова вы не обьхаривали, пока вь свою клоку не перешли? Любовь Ефимовна Деренталь, сьма вь брелеткахъ, небось обьмьла вамъ вь копечку, чтобы Савинкова арканить.

Даже меня, о бездарности котораго такъ пространно пишете, ваши люди же старались «залучить».

Да-сь такой случай былъ, одинъ фруктъ изъ «Наказушъ» спрашивать кьто меня, можно ли зайти ко мьнъ на квартиру «поговорить».

И помню, я сказалъ фрукту:

